

Булгаков — актер

Наверное, такое определение звучит странно. Писатель Булгаков, драматург Булгаков — привычно и справедливо. Но при чем тут актерство? А в жизни великого писателя тем не менее было и это, пусть мимолетно, как проба, как необходимость автора драматических произведений на себе ощутить состояние артиста, исполняющего одну из написанных им, автором, ролей. Как драматург Булгаков родился во МХАТе, и с мхатовской постановки его «Дни Турбиных» вот уже более семи десятков лет не сходят с афиши мировой сцены. Шесть лет — с 1930-го по 1936-й — отдал Михаил Афанасьевич непосредственному служению МХАТу в качестве режиссера-ассистента. Ежедневно мог наблюдать репетиции, на его глазах рождались один за другим новые спектакли. И он решился.

Виктор Яковлевич Станицын, в ту пору молодой еще режиссер, готовился к работе над инсценировкой Н. Венкстерн диккенсовского «Пиквикского клуба». Булгаков обратился к нему с просьбой дать какую-нибудь небольшую роль, дабы «побыть в актерской шкуре», как он выразился. Режиссер назначил его на роль Судьи. Почувствовав себя уже не сторонним наблюдателем репетиционного процесса, а его непосредственным участником изнутри, Булгаков с жадностью неопытного стал интересоваться буквально всем: и техникой постройки оформления, и технологией перестановок декораций, и освещением. Его манили сами запахи кулис — ароматы клея, лака, грима, гуммы. Он с удовольствием ходил по сцене, касался декораций, откосов, которыми они подпирались, штативов фонарей. Он загодя приходил на репетиции, с удовольствием наблюдая, как рабочие сцены ставили декорации, а бутафоры и мебельщики оснащали сценическое пространство необходимыми деталями. С не меньшим удовольствием примерял театральный костюм, лоя в зеркале свое отражение уже в новом, непривычном образе Судьи.

Предоставляю слово Вадиму Васильевичу Шверубовичу, сыну великого мхатовского актера Василия Ивановича Качалова, тоже мхатовцу, выросшему в театре и ставшему в дальнейшем заведующим его постановочной части. В книге воспоминаний Шверубовича «О старом Художественном театре» подробно рассказывается, как Булгаков играл своего Судью.

«Для картины «Суд» была построена черная пирамида, на ее первых этажах сидели присяжные, вершина была пуста — она представляла собой кафедру, на которой стоял колокольчик с ручкой в виде бульдога. За этой кафедрой должен был в определенный момент «возникнуть» (уж это было по-булгаковски!) Судья... На репетициях Михаил Афанасьевич, чтобы не лишать себя возможности смотреть предыдущие картины, не прятался заранее за кафедрой, а взбегал из зрительного зала на сцену и поднимался по лестнице на наших глазах, чтобы потом «возникнуть». Так вот, из зала на сцену взбегал еще Булгаков, но, идя по сцене, он видоизменялся, и по

лестнице лез уже Судья. И Судья этот был пауком... То ли тарантул, то ли крестовик, то ли краб, — но что-то из паучьей породы. Таким он и выглядел — голова уходила в плечи, руки и ноги округлялись, глаза делались белыми, неподвижными и злыми, рот кривился. Но почему судья — паук? Оказывается, неспроста: так прозвали его еще в детстве, что-то в нем было такое, что напоминало людям это страшное и ненавистное всем насекомое... В свое время он от злости, от ненависти к людям выбрал профессию судьи — искал возможность как можно больше навредить людям. Об этом Михаил Афанасьевич рассказывал во время поисков грима нашему старшему гримеру Михаилу Ивановичу Чернову... Общими усилиями, с помощью Станицына, грим был найден. Лицо... получилось достаточно противным. Особенно противным оно и вся фигура становились, когда Судья слышал упорно повторяющиеся сравнения с животными. Такой яростью, такой дикой ненавистью к людям дышало все в нем — и искаженный рот, и скрюченная набок шея, и стиснутые колокольчик пальцы, и, главное, до белизны выжженные злобой глаза. Слушал ли он молча, готовый в любую секунду взорваться и заверещать силным от бешенства голосом свои запреты, или, выткнув по-змеиному голову, выплевывал яд своей злобы — все получалось страшно и до конца правдиво и убедительно».

Чувствовалось, как удобно, свободно ощущает себя в образе Судьи Булгаков, а сбрасывая костюм, он сбрасывал с себя и образ: тептели и темнели его глаза, ясной, веселой улыбкой освещалось лицо, менялась осанка. Он становился самим собой — привычным Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, умным, тонким, со своим лукавым обаянием.

«Нет, я думаю, что можно без преувеличений, без посмертной лестницы сказать о нем, что он был хорошим актером», — заканчивает Шверубович описание булгаковской игры в роли Судьи.

К сожалению, МХАТ не стал «домом Булгакова», по выражению Анатолия Смелянского в его книге «Предлагаемые обстоятельства», посвященной наиболее значительным явлениям театра XX века. «Никому из советских драматургов не суждено было стать «автором театра» (воспользуясь рабочим определением П. Маркова), — пишет Смелянский, — никому не удалось создать с МХАТ долговременный союз, в котором писатель становится не просто поставщиком пьес, но именно сотворцом театрального организма, отвечающим за судьбу избранного «дома» не в меньшей степени, чем актеры или режиссура». А именно таким «сотворцом» хотел быть и пытался стать Михаил Булгаков. Не случилось, увы.

А о многогранности таланта Михаила Афанасьевича не худо вспомнить в 110-ю годовщину со дня его рождения. Талант — он во всем талант.

Наталья БАЛАШОВА.

На снимке: М. Булгаков в роли Судьи.

